

ПОНЯТИЕ «НЕЧИСТОТА» В ТРУДАХ АФРИКАНСКИХ АПОЛОГЕТОВ

Завьялова Елена Евгеньевна, доктор филологических наук, профессор

Астраханский государственный университет
410056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: zavyalovaelena@mail.ru

Материалом для настоящего исследования явилось наследие богословов, живших в Северной Африке во II–IV вв.: Тертуллиана, Минуция, Арнобия, Лактанция. Именно они создали на христианской основе особый тип религиозно-философского синкретизма, который привел к распаду церкви на восточную и западную ветви и который стал определяющим для всей эпохи средних веков. Предмет исследования – варианты употребления «африканцами» пургаментарных образов. Цель – установление назначения указанного приема. В статье делается вывод, что особая эмоциональность авторов сообщает текстам специфическую экспрессивность; отсюда связанное с ней обилие семантических контрастов и антитез, многие из которых строятся на основе оппозиции «праведный – греховный», «чистый – грязный». Грязь ложных представлений противопоставляется чистоте истинной веры, следы нечестивости – свету раскаяния, ничтожный мир единичных вещей – миру непреходящих, вечных сущностей. При этом система умозаключений богословов карфагенского направления оказывается близкой к античным философским парадигмам, с их эстетико-космологической направленностью.

Ключевые слова: африканские апологеты, семантический контраст, когезия, нечистота, бренность

THE CONCEPT OF «IMPURITY» IN THE WRITINGS OF THE AFRICAN APOLOGISTS

Zavyalova Elena Evgenevna, D.Sc. (Philology), Professor

Astrakhan State University
20a Tatishchev st., Astrakhan, 414056, Russia
E-mail: kafruslit@mail.ru

The material for this study was the legacy of theologians, who lived in North Africa in II–IV centuries: Tertullian, Minucius, Arnobius, Lactantius. It is they who created the Christian the basis of a special type of religious-philosophical syncretism, which led to the disintegration of the Church into Eastern and Western branches and which is crucial for the whole epoch of the middle ages. The subject of study – options for use of “Africans” purgamentar images. Goal – the establishment of appointment of the reception. The article concludes that a special emotionality of the authors of the texts of reports peculiar expressiveness; hence connected with it an abundance of semantic contrasts and antithesis, many of which are built on the basis of the opposition “righteous – sinful”, “net – dirty”. Dirt false representations opposed to the purity of the faith, traces of impiety – to the light of repentance, miserable world masculine – to the world of eternal, eternal entity. The system of reasoning theologians of Carthage direction appears to be close to the ancient philosophical paradigms, with their aesthetic and the cosmological background.

Keywords: African apologists, semantic contrast, cohesion, uncleanness, frailty

В рамках изучения пургаментарных образов в наследии христианских апологетов в данной статье мы остановимся на трудах так называемых «африканцев» (Afer), богословов, живших в Северной Африке, прежде всего, в Карфагене. Это Квинт Септимий Флоренс Тертуллиан (лат. Quintus Septimius Florens Tertullianus; 155/165 – 220/240), Минуций Феликс (лат. Marcus Minucius Felix; ум. ок. 210), Арнобий Старший (лат. Arnobius Afer) (ок. 240 – ок. 330), Луций Целий Фирмиан Лактанций (лат. Lucius Caecilius Firmianus Lactantius; ок. 250 – ок. 325). Именно их работы способствовали поляризации латинской и греческой культуры, что в конечном итоге привело к распаду церкви на восточную и западную ветви. Именно они создали на христианской основе особый тип религиозно-философского синкретизма, который будет характерен для всей эпохи средних веков [8, с. 139].

Немецкий патролог О. Барденхевер подчеркивает практическую направленность карфагенского направления, его сосредоточенность на реальности: проблемах искупления, спасения человека, вопросах о структуре церковных, светских учреждений и проч. [12, с. 356–357]. К.Э. Керн (Архимандрит Киприан) указывает на такие специфические качества латинских полемистов, как «юридизм» и риторическое искусство [5, с. 120].

Все многообразие вариантов обращения мыслителей к «маргинальной» проблематике можно представить в виде нескольких основных тенденций. Первая – и самая очевидная – упоминания о воплощениях злого начала: духах, чертях, дьяволе, сатане, прямым следствием которых является часто встречающееся слово «**нечистый**» («*immundus*»). Например: «...Появилось два рода демонов; одни небесные, другие земные. Они были нечистыми духами, авторами злодеяний, которые они совершали, и дьявол является их предводителем» (Лактанций [6, с. 256]); «Есть лживые нечистые духи» (Минуций [10, с. 156]); «Нашему мщению достаточно было бы одного того, чтобы предоставить вас свободному господству нечистых духов» (Тертуллиан [11, с. 149]). На игре значений лексемы «чистый» (не запачканный, без грязи, пыли, пятен / не заключающий в себе лжи и обмана, нравственно безупречный, непорочный) построено следующее высказывание: «Велико различие между чистым и поврежденным: такое же, как между Творцом и губителем» (Тертуллиан «О зрелищах» [4, с. 279]). Категоричность формулировок свидетельствует об эмоциональности Тертуллиана. Протоиерей Иоанн Мейендорф подчеркивает, что «тон его сочинений – резкий, страстный, полемический – типичен для многих африканских писателей, подобно Тертуллиану обладавших сложным и оригинальным характером, в котором аскетическая суровость сочеталась с пылким стремлением к истине и беспощадной непримиримостью к противникам» [9, с. 106].

Пургаментарные характеристики часто встречаются при упоминании «неправильной», «неправедной» жизни **языческих богов**. Эти описания призваны определить сущность рассматриваемого явления, земное происхождение верований, выявить низменную сущность неавраамической религии. Так, Лактанций называет античных богов «порочными и тленными» [6, с. 266], «земными и тленными» [6, с. 267]. Тертуллиан обращает внимание на кровавые ритуалы – «идоло- и трупожертвенные» [4, с. 285], – которых, по его мнению, не мог бы принять истинный Бог: «Пусть они отрицают то, что они – нечистые духи, что однако можно видеть из их пищи, крови, дыма, смрада сожженных животных и из сквернейших речей их пророков» [11, с. 151]. Арнобий, критикуя верховное божество римлян, рассуждает: «Везде одни и те же речи о Юпитере, и нет ни одного вида мерзости, соединенного с распутством, который не ставился бы в связь с его именем, так что он, достойный жалости, по-видимому; для того только и родился, чтобы стать вместилищем преступлений, предметом поношений, некоторого рода открытым местом для отвода всех нечистот из помойных ям» [1, с. 22].

В обрисовку героев древнегреческих и древнеримских мифов вводится множество нелицеприятных, «нечистых» деталей. В частности, тот же Арнобий, в прошлом учитель красноречия, неоднократно обращает внимание на «грязные наслаждения» обитателей Олимпа. В частности, саркастически натуралистично богослов повествует про погребение Кибелой отсеченных гениталий Аттиса, «непристойных отвратительных органов»: «конечно, для того, чтобы они, будучи обнаженными, не разлагались в недрах земли, прежде чем обернуть их и покрыть тканями, омыла их, наверное, и натерла благовонными мазями? Ибо каким образом могли бы вырасти пахучие фиалки, если бы гниение члена не ослаблялось чрез это добавление бальзама?» [1, с. 14]. На едкость и язвительность речей Арнобия указывают, в частности, В.В. Бычков [2, с. 69] и В.С. Дуров [3, с. 273].

Ученик Арнобия Лактанций вспоминает, что язычники почитают Стеркулия только за то, что тот первым ввел способ удобрять землю навозом [6, с. 236], а Геркулес прославился тем, что «выгреб нечистоты из хлева» [6, с. 247]. В том же стиле сформулировано восклицание из обращения «К язычникам» Тертуллиана: «Удивительно, как еще боги не позаботились об очищении детей от нечистот!» [4, с. 183].

От критики самих языческих богов «африканцы» переходят к критике массовых действ, им посвященных. На первый план при этом выходит порицание зрелищ как порождения болезненной, извращенной культуры. К.Э. Керн (архимандрит Киприан) по этому поводу замечает: «...Чувственность и аморальность тогдашнего театра... давала повод писателям христианства... резко нападать на сценические представления» [5, с. 139]. Известный своим ригоризмом Тертуллиан, один из наиболее выдающихся раннехристианских писателей и теологов, в послании «К язычникам» пишет: «Рассмотрите также кощунственное изящество своих Лентулов и Гостиев, над их мимами или же над своими богами смеетесь вы в строфах и остротах? Вы с великим удовольствием воспринимаете и актерскую литературу, которая изображает всякую мерзость богов. На ваших глазах бесчестится величие богов, представляемых в нечистых телах» [4, с. 56]. В «Апологетике», написанном примерно в то же время (197 г.), мыслитель высказывает суждения касательно кощунственного поведения актеров, представляющих богов: «Уже и тем, что маска вашего бога покрывает голову самую позорную и бесчестную, а также и тем, что тело, нечистое и доведенное до театрального искусства путем расслабления, представляет какую-нибудь Минерву или какого-нибудь Геркулеса, не оскорбляется ли величие их и не бесчестится ли божество в то время, как вы рукоплещете» [11, с. 151]. «Вероятно, вы более религиозны в амфитеатре, где боги ваши танцуют по человеческой крови, а также по нечистотам убитых, чтобы доставить осужденным на борьбу новые драмы и новые фабулы, где преступники часто облачаются в маски самих богов ваших» [11, с. 151]. Как видим, ощущение отвратительного зрелища помогают создать образы нечистых тел (в прямом и переносном смысле), ужасающего вида человеческих останков.

Одной из самых распространенных тем оказывается тема земного происхождения и «испачканности» идолов, которая подспудно призвана выражать идею фальшивости самих богов. «Бог деревянный – из какого-нибудь обрубка или кола обрубается, вытесывается, выстрагивается; а серебряный или золотой бог чаще всего делается из какого-нибудь нечистого сосуда <...>; а каменный высекается, обтесывается и делается гладким руками грязного работника; такой бог не чувствует низости своего происхождения точно так же, как не чувствует почестей, воздаваемых ему вашим поклонением», – рассуждает Минуций Феликс в сочинении «Октавий» [10, с. 159]. А чуть ниже напоминает, что мраморные и деревянные изваяния вырублены человеческими орудиями из грубых кусков материи, «в которых обитают крысы и мыши и которые оплетают паутинами пауки» [10, с. 160]. Лактанций, в свою очередь, указывает на статую римской богини-очистительницы (Venus Cloacina), найденную в большой сточной канаве (cloaca) [6, с. 271]. А Тертуллиан пишет про смрад, который издавали самосские жертвенные сосуды [11, с. 164].

Третьим вариантом репрезентации «грязной» темы оказывается описание **нечестивого поведения** людей, не верящих во Христа и Единого Бога. Так, Тертуллиан, в прошлом ритор, всех язычников сравнивает с пылью на площади. Много подробностей приводит богослов, живописуя мучения именитых грешников. В частности, он вспоминает царя Вавилона Навуходоносора, который, оскорбив Бога, «провел семь лет в грязи и нечистотах, потеряв человеческий облик» [4, с. 329]. Еще более впечатляюще прирожденный оратор Лактанций рисует ужасную болезнь гонителя христиан императора Максимиана Галерия: здесь и анатомические подробности гниения частей тела, и уже знакомый копрологический мотив, и отвратительные детали портрета умирающего («страшная худоба», «дряблое седалище», «тлетворная зараза», «неисчислимое множество червей» и т.п. [7, с. 71–72]). Страшные картины призваны не только утвердить идею Божьего возмездия, но и наметить параллель между растленностью великих грешников и выказавшимся в конце концов внешним безобразием.

Для создания антонимического макроконтраста в сочинениях апологетов часто используется семантический контраст, доминирующей линией которого является противопоставление праведности и греховности. Едва ли не самой популярной оказывается оппозиция грязь / чистота. Приведем лишь несколько примеров: «... Нелепое заблуждение... блистать багрянницею и быть грязным душою» (Минуций

[10, с. 176]), «Снимите одежды грязные с него, и облачите его в тунику, спускающуюся до пят» (Лактанций [6, с. 287]), «Пусть побольше и во все стороны разлетается мякина легкой веры, провеваемая искушениями, – тем чище будет пшеница, засыпанная в закрома Господни» (Тертуллиан [4, с. 109]), «повергая человека, публичное исповедание тем более его возвышает; мараю его, оно возвращает ему чистоту; обвиняя – оправдывает; осуждая – освобождает» (Тертуллиан [11, с. 314]).

Тема брэнности проходит фактически через все наследие «африканцев». Проблематика, связанная с антитезой «святость страдающих за веру во Христа / окружающая грязь», последовательно разрабатывается Тертуллианом, который в послании «К мученикам» приходит к следующему умозаключению: «Если учесть, что мир сам по себе – темница, вы скорее вышли из темницы, чем вошли в нее. Темна ваша темница, но мир покрыт еще большим мраком, ослепляющим ум. Вы – в оковах, но мир налагает на душу еще более тяжелые цепи. Вы – в грязи, но мир полон еще большей грязи людского распутства» [4, с. 273–275]. Аналогичен ход рассуждений в трактате «О покаянии», где богослов указывает на особый статус виновного: «в это время следует быть одетым в рубище и лежать в пепле, загрязнив тело нечистотами, а дух погрузив в сетование, и с горечью размышлять о своем грехе» [4, с. 312].

О гленной природе людей неоднократно пишут Тертуллин (см., например, [4, с. 235–237]), Лактанций [6, с. 205, 285, 302]), Минуций [10, с. 158]. Весьма распространено у них сравнение человека с глиняным сосудом, сотворенным горшечником. Происхождение образа связано со Священным писанием. Ср.: «Но сокровище сие мы носим в глиняных сосудах, чтобы избыточная сила была приписываема Богу, а не нам» [2 Кор. 4: 7] – «Мы, ничтожные, мы – сосуды глиняные!» (Тертуллиан «О терпении» [4, с. 327]). Арнобий, не допуская мысли, что такой ничтожный прах, как человек, может быть сотворен Богом, перекладывает эту «грязную работу» на низших демиургов. Согласно его теории, сначала появляется ничтожное смертное существо, потом Христос через веру преобразует его в образ Бога и тем сообщает ему бессмертие [8, с. 132].

Пургаментарные образы помогают реализовать антонимическую когезию: «Ведь [человек] состоит из души и тела, словно бы из неба и из земли, поскольку душа, благодаря которой мы живем, возникла от Бога, словно от неба, тело же из земли, из грязи...» [6, с. 250]. Противопоставление понятий первостепенно для религиозного мироощущения. При этом воззрения Лактанция на человеческую сущность порой соотносятся с античными представлениями, и это не удивительно, гуманисты эпохи Ренессанса называли знаменитого писателя «христианским Цицероном», а современные ученые обнаружили у него порядка 520 цитат из произведений греческих и римских авторов [3, с. 274]. В частности, в «Божественных установлениях» Лактанций вспоминает учения Трисмегиста и Эмпедокла, согласно которым все тела имеют что-то от четырех элементов, их образующих – огня, воздуха, воды и земли. «Таким образом, – резюмирует богослов, – человек был создан из различных и противоположных вещей, подобно тому как мир [создан] из света и тьмы, из жизни и смерти. Они должны бороться в человеке между собой, чтобы в случае, если одержит верх душа, которая происходит из Бога, [человек] обрел бы бессмертие и пребывал бы в вечном свете; если же победит тело, он оказался бы в постоянной тьме и смерти» [6, с. 251]. С материалистических позиций подходит к проблеме смерти Минуций: «Всякое тело – обращается ли оно в пыль или влагу, в пепел или пар, исчезает для нас, но Бог сохраняет его элементы» [10, с. 173].

Феномен жизни неизбежно связан с болезнями, с физиологическим старением, изнашиванием, истощением организмов. Отсюда мотив уничтожения физического мира, в свою очередь, отсылающий к пургаментарному дискурсу. «Нет ничего, созданного человеческими руками, что не могло бы разрушиться с помощью человеческих рук, ибо смертные творения смертны» (Лактанций [6, с. 316]). «Тело способствует смерти всего» (Лактанций [6, с. 267]).

В качестве необходимого процесса, предшествующего зарождению новой жизни, богословами неоднократно упоминается гниение; в этом случае неоднократно интерпретируется евангельская притча о гниющем в земле зерне: «...Если пшеница-

ное зерно, пав в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода» [Ин. 12: 24]. Смерть – реальная и символическая – объявляется непереносимым условием возрождения: «Семена только такие дают обильный рост, которые сгнили. Все сохраняется погибая, и все восстанавливается чрез погибель» (Тертуллиан [11, с. 198]); «семена не возродятся, если прежде не сгниют; так и тело на время, как деревья за зиму, скрывает жизненную силу под обманчивым видом мертвенности» (Минуций [10, с. 162]). Указанная мифологема вмещает в себе христианский взгляд на таинство смерти, архетипический мотив инициации, а также отсылает к учению о круговороте веществ, столь близкой к материалистическим теориям оппонентов африканских апологетов.

Подведем итоги. Богословы карфагенского направления постоянно обращаются к проблемам слабости, греховности человеческой природы и бренности людского существования. Осведомленность в античной философии и литературе накладывает отпечаток на стиль апологетов и способы аргументации, которые оказываются близкими к стойко-киническому типу. Особая страстность, подмеченная многими исследователями, сообщает текстам экспрессивность, обилие семантических контрастов и антитез, многие из которых строятся на основе оппозиции «праведный – греховный», «чистый – грязный». Грязь ложных представлений противопоставляется чистоте истинной веры, следы нечестивости – свету раскаяния, ничтожный мир единичных вещей – миру непреходящих, вечных сущностей.

Список литературы

1. Арнобий. Против язычников / Арнобий ; пер. Н. М. Дроздова. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2008. – 398 с.
2. Бычков В. В. Эстетика отцов церкви / В. В. Бычков. – М. : Ладомир, 1995. – 269 с.
3. Дуров В. С. История римской литературы / В. С. Дуров. – СПб. : Филологический факультет Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2000. – 624 с. – (Филология и культура.)
4. Квинт Септимий Флорент Тертуллиан. Избранные сочинения / Квинт Септимий Флорент Тертуллиан ; пер. Э. Юнца. – М. : Прогресс-Культура, 1994. – 448 с.
5. Керн К. Э. (архим. Киприан). Патрология / К. Э. Керн // Свято-Сергиевский православный богословский институт в Париже. – М. – Париж : Изд-во ПТСБИ, 1996. – Т. 1. – 184 с.
6. Лактанций. Божественные установления / Лактанций // Тюленев В.М. Лактанций: христианский историк на перекрестке эпох. С приложением трактата «Божественные установления». – СПб. : Алетейя, 2000. – С. 205–317.
7. Лактанций. О смертях гонителей / пер. В. Тюленева. – СПб. : Алетейя, 1998. – 282 с.
8. Майоров Г. Г. Формирование средневековой философии. Латинская патристика / Г. Г. Майоров. – М. : Мысль, 1979. – 433 с.
9. Мейендорф Иоанн (Протоиерей). Введение в святоотеческое богословие: (конспекты лекций) / Мейендорф Иоанн (Протоиерей) ; пер. с англ. Л. Волохонской. – изд. 2-е, испр. – Вильнюс : Весть, 1992. – 359 с. – ISBN 589942253X.
10. Минуций Феликс. Октавий / Минуций Феликс ; пер. М. Е. Сергеевко // Богословские труды. – 1981. – Т. 22. – С. 139–177.
11. Тертуллиан. Апологетик / Тертуллиан. Апологетик ; пер. Н. Щеглова // Творения Кв. Септ. Флор. Тертуллиана. – Ч. 1. – Киев : Тип. Акц. Об-ва «Петр Барский, в Киеве», 1910. – С. 81–204.
12. Bardenhewer O. Geschichte der altkirchlichen Literatur: in 5 bd. / O. Bardenhewer – 2-e ausgabe. – Freiburg im Breisgau : St. Louis, 1913. – Bd. 2.

References

1. Arnobiy. Protiv yazychnikov / Arnobiy ; per. N. M. Drozdova. – SPb. : Izd-vo SPBGU, 2008. – 398 s.
2. Bychkov V. V. Estetika ottsov tserkvi / V. V. Bychkov. – M. : Ladomir, 1995. – 269 s.
3. Durov V. S. Istoriya rimskoy literatury / V. S. Durov. – SPb. : Filologicheskii fa-kultet Sankt-Peterburgskogo gos. un-ta, 2000. – 624 s. – (Filologiya i kultura.)
4. Kvint Septimiy Florent Tertullian. Izbrannye sochineniya / Kvint Septimiy Florent Tertullian ; per. E. Yuntsa. – M. : Progress-Kultura, 1994. – 448 s.
5. Kern K. E. (arkhim. Kiprian). Patrologiya / K. E. Kern // Svyato-Sergievskiy pravoslavnyy bogoslovskiy institut v Parizhe. – M. – Parizh : Izd-vo PTSBI, 1996. – T. 1. – 184 s.
6. Laktantsiy. Bozhestvennye ustanovleniya / Laktantsiy // Tyulenev V.M. Laktantsiy: khri-stianskiy istorik na perekrestke epokh. S prilozheniem traktata «Bozhestvennye ustanovle-niya». – SPb. : Aleteyya, 2000. – S. 205–317.

7. Laktantsiy. O smertyakh goniteley / per. V. Tyuleneva. – SPb. : Aleteyya, 1998. – 282 s. 8. Mayorov G. G. Formirovanie srednevekovoy filosofii. Latinskaya patristika / G. G. Mayorov. – M. : Mysl, 1979. – 433 s.
9. Meyendorf Ioann (Protoierey). Vvedenie v svyatootecheskoe bogoslovie: (konspekty lektsiy) / Meyendorf Ioann (Protoierey) ; per. s angl. L. Volokhonskoy. – izd. 2-e, ispr. – Vilnyus : Vest, 1992. – 359 s. – ISBN 589942253Kh.
10. Minutsiy Feliks. Oktaviy / Minutsiy Feliks ; per. M. Ye. Sergeenko // Bogoslovskie trudy. – 1981. – T. 22. – S. 139–177.
11. Tertullian. Apologetik / Tertullian. Apologetik ; per. N. Shcheglova // Tvoreniya Kv. Sept. Flor. Tertulliana. – Ch. 1. – Kiev : Tip. Akts. Ob-va «Petr Barskiy, v Kieve», 1910. – S. 81–204.
12. Bardenhewer O. Geschichte der altkirchlichen Literatur: in 5 bd. / O. Bardenhewer – 2-e ausgabe. – Freiburg im Breisgau : St. Louis, 1913. – Bd. 2.

РОССИЙСКИЕ ГОСУДАРСТВОВЕДЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX В. ОБ ОБЪЕКТ-ПРЕДМЕТНОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

Моцелков Евгений Николаевич, доктор политических наук, профессор

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
119991, Россия, г. Москва, ГСП-1, Ленинские горы, 1
E-mail: enm@inbox.ru

Статья посвящена анализу развития отечественных гуманитарных наук, и в частности, синтезируются предметные поля таких дисциплин, как теоретического правоведения (философия права) и теоретической политики (политической науки, политологии). Рассмотренные идеи и концепции отечественных государствоведов второй половины XIX – начала XX в. однозначно свидетельствуют о том, что российская наука того времени вплотную подошла к пониманию внутреннего объект-предметного единства гуманитарных наук. Высказанные тогда идеи являются достаточно актуальными и сегодня, когда создание интегративных теорий и в целом – новой интегративной науки – является злободневной задачей научного сообщества.

Ключевые слова: философия права, закон, политика, политическая наука, образование

RUSSIAN SOCIAL SCIENTISTS OF THE SECOND HALF OF XIX – THE BEGINNING OF THE XX CENTURY ABOUT OBJECT-SUBJECT INTERACTION OF THE HUMANITIES SCIENCES

Moshchelkov Evgeny N., D.Sc. (Political Science), Professor

Moscow State University of M.V. Lomonosov
1 Leninskie Gory, GSP-1, Moscow, 119991, Russia
E-mail: enm@inbox.ru

This article is devoted to the analysis of development of the domestic humanities, and in particular subject fields of such disciplines, as theoretical jurisprudence (legal philosophy) and theoretical policy (political science, politology) are synthesized. The considered ideas and concepts of domestic social scientists of the second half of XIX – the beginning of the XX centuries unambiguously testify that the Russian science of that time closely approached to understanding internal object – subject unity of the humanities. These ideas are rather actual for today's science, when the creation of integrative theories and as a whole – new integrative science – is a topical task of scientific community.

Keywords: legal philosophy, law, policy, political science, education

В российском государствоведении второй половины XIX – начала XX в. одним из наиболее интенсивно развивающихся направлений научных исследований следует считать разработку различных подходов и интерпретаций в классификации гуманитарных наук, их объектно-предметном взаимодействии и разграничении.

В центре таких исследований находилась в то время такая научная и образовательная дисциплина, как история философии права.

Знакомство с литературой по данной дисциплине показывает, что у абсолютного большинства российских ученых того времени не было сомнения в необходимости